

Представляем нового чрезвычайно интересного автора: Юрий Оттович ВЕБЕР.

Он – житель нашего района, человек необыкновенной судьбы, в чём вы сможете убедиться, ознакомившись с этими материалами. Его предки покоятся на Шуваловском кладбище.

Архитектор-инженер. Окончил Ленинградский Инженерно-строительный институт в 1960 г. Работал в институте «ЛенНИИпроект» (18 лет) главным инженером проектов по объектам жилищного и гражданского строительства. Проектировал и строил объекты: здравоохранения – многофункциональная элитная больница в городе Зеленогорске, онкологическая больница в поселке Песочный, больнично-поликлинический комплекс Ижорского завода в городе Колпино, городская больница в городе Петродворце, Центр лучевой терапии в онкологическом научном центре им. Блохина в Москве, невероятное количество других объектов. В 1960-х годах принимал участие в проектировании новых зданий проектных институтов в Ленинграде: «Гипроалюминий» (Средний пр. В.О.), «Механобр» (23 линия В.О.), «Ленпромстройпроект» (Ново-Измайловский пр.), административного здания завода им. Котлякова (17 линия В.О.); промышленных объектов – крупных заводов и фабрик в различных городах и регионах Советского Союза.

В настоящее время пенсионер. Ветеран труда, Ветеран ВОВ, жертва политических репрессий.

Состоит в различных общественных организациях, в т.ч. градозащитных, правозащитных, природозащитных, в Обществе потомков участников Первой мировой войны, Обществе ветеранов-блокадников. Имеет медаль Жителя Блокадного Ленинграда. Является активным и заслуженным членом Санкт-Петербургского филиала Скобелевского Комитета, автором мемориальной доски М.Д. Скобелеву в Санкт-Петербурге.

Помимо плодотворной инженерной деятельности, вся его жизнь полна необыкновенных событий и встреч. Крещён в 1937 году священником Князь-Владимирского Собора на Петроградской стороне Петербурга. Крёстным его бабушки Лидии Прокофьевны Латманисовой был свт. прав. Иоанн Кронштадтский. Он был хорошо знаком с Анной Андреевной Ахматовой и её сыном Львом Гумилёвым, дружил с Владимиром Высоцким, снимался в кино, был боксёром, мотоциклистом, каскадёром, альпинистом. Знал питерскую творческую элиту и со многими дружил. Награждён Императорской наградой Орденом Св. Анны 3-й степени.

КАК Я СТАЛ АРХИТЕКТОРОМ

Краткая справка «о себе»: Родился я на следующий день после смерти Александра II – 14-го марта, правда через 55 лет и не в Москве. На берегу реки Колыма при -70°C, - реки, давшей название целому краю, в пересылочном (читай «уничтожительном») лагере Оротукан. Родители – геодезисты-картографы, все предки по материнской линии – военные, артиллеристы. И я должен был разрушать, а не строить. До самого поступления в Ленинградский Инженерно-строительный институт понятия не имел, что такое «архитектура».

В одном из своих выступлений я затронул тему патриотизма, которую интенсивно развивала новая молодая власть России после кровавого переворота 1917 года. Там я рассказывал о своих детских предвоенных впечатлениях о той обстановке массового трудового и военного героизма, который очень обдуманно и целенаправленно внедрялся в сознание людей всех возрастов и, особенно, молодёжи и детей. Особенно привлекательна была авиация. По радио звучала песня, которую я помню с детского возраста:

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.*

*Все выше, и выше, и выше
Вершим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...*

И мы, дети своего времени, мечтали стать героями-авиаторами.

А примеров такого героизма было немало. Это и покорение Северного полюса: Александр Кузнецов; и спасение челюскинцев с посадкой самолёта на паковый лёд: Михаил Водопьянов; и беспосадочный перелёт от Москвы до дальнего востока: Валентина Гризодубова; это подвиги и рекорды Валерия Чкалова и его лихие полёты.

Особая волна героизма поднялась во время Великой Отечественной Войны 1941 – 1945 г.г. Всем известны имена трижды героя Советского Союза Ивана Никитовича Кожедуба, Алексея Тихоновича Севастьянова, Алексея Петровича Маресьева, Николая Францевича Гастелло.

Мы, ребяташки военного времени, шастали везде, где можно было увидеть

что-то, связанное с боевыми действиями, сидели на крышах с «клещами» во время воздушных налётов, слушали радио. Одновременно изучали военное дело, чтобы знать, как противодействовать врагу, как выявлять и ловить шпионов, как оказывать первую помощь при ранениях, как ориентироваться на местности и выживать при отсутствии огня и еды. Изучали немецкий язык. (Это всё первоклашки и второклашки). Мы устраивали свои учения, где на практике проверяли свои теоретические знания. И в текущей жизни это не раз пригодилось.

Ещё шла война, а Фонтанке уже был открыт Музей обороны Ленинграда, где гордо висел, расправив крылья самолёт Севастьянова – героя Советского Союза. Ну а мы, ребята, продолжали учиться и мечтать о самолётах и стремиться в небо.

Победно закончилась война. Я учился в мужской средней школе Петроградского района. В восьмом классе семь ребят (из 36-ти) нашего единственного военного класса поступили в аэроклуб ДОСААФ (добровольное общество содействия армии, авиации и флоту – полувоенная организация под эгидой Министерства обороны) в посёлке Горская, которому в 2018 г. исполнилось 110 лет. В 10-м выпускном классе получили звания пилотов и соответствующие дипломы, дающие право летать на самолётах всех типов и преимущественное право при поступлении в Военно-воздушную академию им. Жуковского.

Во время обучения в Горской прыгали с парашютом с и вышки, и с самолёта, учились укладывать парашюты. Летали на самолётах Як-52, В-35, Ан-2, выполняли фигуры высшего пилотажа.

Через день после выпускного вечера 22 июня 1953 года побежали подавать заявления в Военно-воздушную академию и сдавать экзамены (аж целых восемь). Очень трудные. Я не был медалистом в школе, но тут все сдал на пятерки. На последний экзамен велели явиться с ложкой, плоской и личными вещами для отправки в учебные лагеря, где мы должны были принять присягу и стать военнослужащими.

Мои одноклассники были не простыми людьми: Алексеенков Витя – из семьи потомственных военных, твёр-

дый, целеустремлённый и очень умный, дослужил до генерал-майора, преподавал в ВВА.

Валя Шеманаев – тоже потомственный военный, на 5-м курсе перевёлся в Военно-артиллерийскую академию, трагически рано погиб в Афгане.

Юра Климов – блестящий спортсмен, мастер спорта по гимнастике, с отличием закончил ВВА, был направлен в отряд космонавтов, был одним из тех, кто мог стать первым космонавтом, и был дублёром Юрия Гагарина.

Братья Сабо – Юра преподавал в ВВА, профессор, полковник, Алик – до комиссии летал на разных боевых самолётах в самых экстремальных точках военных действий, далее преподавал в аэроклубе ДОСААФ в Горской, «поставил на крыло» трёх сыновей.

Клим Ворошилов – внук Председателя Президиума Верховного Совета СССР, дипломат, представитель МИД СССР в Великобритании, великан, красавец и эрудит, трагически ушёл из жизни в возрасте 35-и лет от инфаркта.

Витя Овсянников – великолепный спортсмен, мастер спорта по альпинизму, занесён в книгу рекордов Гиннеса, как первый человек, совершивший полёт на дельтаплане с высочайшей вершины Европы – Эльбруса, профессор, академик.

Ну и наконец, ваш покорный слуга Вебер Юрий Оттович, архитектор, боксёр, альпинист, мотогощик, авторалист, каскадёр и горнолыжник, отец четырёх детей, дед десяти внуков («в джазе только мальчишки») и т.д. и т.п.

Сдали последний экзамен.

Нас построили и объявляют результаты:

– Алексеенков! Принят. Направо.

– Вебер! Не принят. Налево.

– Как не принят? Я же все экзамены сдал на «5»!

– Молчать! Смирно! Налево. Не прошёл мандатную комиссию.

– Так она же была до экзаменов!

– Молчать! Смирно! В авиашколу. Что тебя даром учили в Горской? Вот твоё согласие! Иди отработывай.

– Ворошилов! Не принят. Налево.

– Молчать! Смирно! Две тройки. Налево.

Так мы с Ворошиловым и Аликом Сабо оказались на аэродроме в Гатчинском районе. Нас посадили на новый секретный самолёт МИГ-15 «спарку»

(на таком летал и погиб Гагарин). Учили нас хорошо. Уже через месяц мы летали на «спарке» без инструктора, в том числе и на аэродроме в Горской за продуктами и за боезапасом в Левашово. Пришлось испытать и центрифугу и катапульту. Но всё обошлось благополучно в штатном режиме.

Однажды после полётов сидим мы с Климом, покуривая на лавочке напротив каптёрки, он прищурился и говорит: «Тебе эта монотонная муштра не надоела? Ты мастер по мотоциклам. Видишь Иж стоит с ключом в замке зажигания? Мне нужно на прочту в Кипень съездить». «Угу» - говорю я, заводя мотоцикл. Надели шлемофоны и поехали. На КП нам отдали честь, открыли шлагбаум, и через полчаса Клим уже в красной телефонной будке говорил с Москвой.

Через день в часть проезжают два чёрных ЗИМа, два гражданина в чёрных костюмах проследовали к генералу, объявляется всеобщее построение и голос из репродукторов: «Ворошилов, Вебер – с вещами на выход!». Уже на Таллинском шоссе, под вой сирены и мигание красных фонарей, Клим передаёт мне привет от деда, с которым он успел переговорить по спецсвязи, и пакет с документами о полной демобилизации с преимущественным правом при поступлении в ВУЗ.

Приехали в его дому № 26/28 на Кировском проспекте со стороны Кронверкской улицы. «Тебя отвезти на Куйбышева?». «Пройдусь, чего гонять ЗИМ, ведь я не Ворошилов. Привет Клим!». Мы обнялись и расстались на 25 лет. А я, в х/б б/у, в керзухах, с солдатским вещмешком, но с лейтенантскими погонами, направился в сторону Горьковского проспекта мимо дома Коли Баранова. Вдруг открывается парадная дверь – и он собственной персоной в тёмно-синем мантиле и таком же беретике набекрень и с огромным планшетом на тесёмках: «Ты откуда?». «Скорее «куда» - домой отсыпаться». «Нет, идём со мной на подготовительные курсы в ЛИСИ на архитектурный – ты ведь прилично рисуешь!». «Да я в таком виде, и бумаги у меня нет». «Я всё тебе дам». Уговорил. В приёмной комиссии меня встретили с энтузиазмом – офицер, да ещё с голубыми лычками. Ну и поступил при конкурсе 14 человек на место. И снова в лагерь, но не на лётное поле, а на картофельное.

Так стал архитектором, а каким – извольте спросить, если интересно.